

Антинемецкая кампания в Нижнем Поволжье в годы Первой мировой войны

Р. М. Уразгалиев

аспирант, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: rus.urazgaliev@mail.ru

Аннотация. Рост международной напряженности, вызванный кризисом миграционной политики, актуализирует проблемы борьбы с шовинизмом и ксенофобией. Обращение к историческому опыту России может помочь в поисках способов эффективного противодействия агрессивным проявлениям нетерпимости на национальной почве. Волна национальной неприязни в период Первой мировой войны подавалась как демонстрация патриотических настроений. Анализ этой негативной ситуации может оказаться полезным для выработки национальной политики в современных обстоятельствах.

Несмотря на расширяющиеся возможности получения информации, общество по-прежнему подвергается пагубному влиянию через средства массовой информации. Пропагандистские кампании небывалого охвата, методы и приемы массового психологического воздействия, опробованные в начале XX в., и сегодня пользуются популярностью. Целью работы является выявление и изучение политики государства и общественных настроений в условиях военного времени как специфической формы проявления российского национализма, направленной против проживающих в России немцев. Объектом исследования является общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России в годы Первой мировой войны. Предметом исследования стала антинемецкая кампания, проводившаяся в Нижнем Поволжье в Первую мировую войну.

В статье показано положение немецкого населения (российских немцев и подданных Германии) на территории Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны. Проанализированы причины дискриминации в отношении прихожан Евангелическо-лютеранской церкви и представителей баптизма. По мнению автора, в условиях роста шовинистических настроений и германофобии российские немцы и приверженцы протестантизма Нижнего Поволжья в глазах власти выглядели как потенциальные враги.

Ключевые слова: баптисты, военнопленные, дискриминация, Евангелическо-лютеранская церковь, российские немцы.

В годы Первой мировой войны Германия в общественном сознании россиян утвердилась в образе врага. Безжалостность и «зверства» немецких солдат, высокое влияние немцев в политических и экономических кругах Российской империи, нарушения неприятелем норм международного права стали главными сюжетами пропаганды для создания данного образа. Война преподносилась как священный долг по спасению мира от поправших все моральные принципы немцев и их кровожадного императора. «Никто войны не желает, Россия и Франция проявили крайнее миролюбие и до сих пор не объявили войну ни одному государству. Исключение составляют немцы, которые хотят отнять у другого государства его земли и присоединить их к владениям Германии. Очевидно, германский император человек ненормальный, в высшей степени опасный маньяк» [26, с. 3]. Так с самого начала военного конфликта неотъемлемым атрибутом повседневной жизни становится антинемецкая кампания, которая получила достаточно широкое освещение в историографии. В основном авторы [7; 27; 28; 29; 30] рассматривают мероприятия в рамках борьбы с чрезмерным влиянием немцев в Российской империи и религиозную сторону антинемецкой кампании [3; 17; 31; 32; 33]. В работах [1; 9], рассматривающих немецких колонистов в Поволжье в годы Первой мировой войны, не уделяется внимание общественной дискуссии о положении и судьбе в России немцев Нижнего Поволжья, имевшей место на страницах прессы. Поэтому избранный нами и обозначенный в названии статьи региональный сюжет до сего времени представляется недостаточно изученным.

Антинемецкая кампания была последовательно направлена против трех категорий населения: подданных Германии, немцев России, являвшихся ее подданными, в частности против немцев Поволжья, и представителей западнохристианских конфессий. Зачастую к врагам, определенным по принципу религии, относились не только этнические немцы, а самые разнообразные группы, в том числе и русские.

Достаточно активная, а иногда и агрессивная антинемецкая кампания, развернувшаяся в российской центральной и региональной прессе, способствовала росту национализма и ксенофобии. Первая волна затронула прежде всего германских подданных, пребывавших в начале войны на территории Российской империи.

В Нижнем Поволжье таких погромных действий, как в конце мая 1915 г. в Москве, в отношении немцев не отмечалось. Тем не менее они также испытывали на себе последствия начавшейся войны. Во всех губерниях региона наблюдался рост бытового национализма. Кроме того, немцы стали испытывать жесткий прессинг со стороны губернских властей и правоохранительных органов. Так, в Астраханской губернии был введен запрет германским подданным «выступать на сценах в качестве исполнителей, в театрах, цирках и увеселительных садах, а также трудоустраиваться в качестве гувернеров, гувернанток и нянек» [5, с. 3]. Разного рода союзы, общества, просветительские и благотворительные организации получили предписание исключить из своего состава неприятельских подданных [23, с. 3]. Начальник саратовского управления земледелия Н. И. Добровольский по распоряжению из Петрограда запретил чинам управления совершать на имя подданных Германии всякого рода акты на установление и переход прав собственности. «Германо-русским лицам не должны допускать никаких отсрочек, рассрочек и льгот по договору с казной на аренду казенных земель, лесов, рыбных ловель» [36, с. 4]. По сути, этот закон не предусматривал отчуждения недвижимого имущества, находящегося в собственности немецких землевладельцев, тем не менее он стимулировал рост антинемецких настроений.

В течение Первой мировой войны немецкое население Нижнего Поволжья увеличивается за счет переселения беженцев с польских земель, Литвы и Курляндии. Также в регион поступал большой поток военнопленных, которых задействовали в полевых работах. Уже в начале весны 1915 г. астраханскому губернатору поступали многочисленные просьбы об отпуске пленных на сельскохозяйственные работы. В ответ всем земским управам было предложено сообщить к 20 марта следующие сведения: необходимое количество военнопленных и время, на которое они потребуются [4, с. 3]. Прием беженцев, которые чаще всего доставлялись без средств к существованию и нуждались в помощи, продолжался вплоть до окончания боевых действий. Для поддержки нуждающихся был организован «Евангелический комитет попечительства о беженцах», членами которого были г. Шмидт, Гафнер, Гергардт, Дамер, Рейтер, Гильденбрандт, Штульнер, Борк [8, с. 3]. Они координировали благотворительную деятельность местных властей. В Саратовскую губернию прибывали немцы-колонисты из Привислинского края и других местностей, соприкасающихся с театром военных действий. Вплоть до начала 1916 г. им оказывалась продовольственная помощь Министерством внутренних дел по просьбе саратовского губернатора [42, с. 3].

Отношение русского населения к военнопленным временами было негативным, поскольку многие из них не проявляли желания работать, кроме того, часть военнопленных в своих беседах с местным населением оказывалась излишне разговорчивой. Зимой 1915 г. по сведениям, поступившим в Комитет Астраханской народной монархической партии, «германские подданные и военнопленные ведут пропаганду о плохой жизни народа в России при ее богатствах и об очень хорошей у них под немецким управлением» [14, л. 6].

Помимо иностранцев, к числу враждебных элементов отнесли и немцев, давно проживавших в России, но в силу своего происхождения вызывавших недоверие к себе. Активная колонизация слабозаселенных территорий, инициированная манифестом Екатерины II «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу» [40], привела к появлению в Нижнем Поволжье группы немцев-колонистов, численность которых росла быстрыми темпами. В основном колонисты прибывали из тогдашней Римско-Немецкой империи под гегемонией Габсбургов [11, с. 99]. Саратовское Поволжье стало первым регионом, где немцы стали жить компактно. Данные по Нижнему Поволжью – 171 645 человек [39] – показывают нам количество говорящих на немецком языке и считающих немецкий язык родным, так как при проведении Первой всеобщей переписи населения 1897 г. не указывалась национальная принадлежность опрошенных.

Отвлечение внимания населения от государственных проблем за счет притеснения «внутреннего врага» – российских немцев – показалось удобным для правительства. Истерия иногда достигала пугающих масштабов. Так, в 1915 г. проводилось расследование инцидента, случившегося в 1906 г.: группа астраханских немцев отправила поздравление-телеграмму Вильгельму II по случаю дня его серебряной свадьбы. К телеграмме прилагалась фотография

компании немцев с портретом императорской четы в руках. Лицам, участвовавшим в процессе, пришлось нелегко, но они быстро среагировали на меняющиеся условия. Так, Иван Бредрих принес фотографию в Жандармское управление с замазанными портретами Вильгельма и его супруги, говоря, что сделал это сразу после объявления Германией войны России. Фотограф упомянутой сцены Рудольф Баденмюллер, несмотря на проживание в Астрахани на протяжении 22 лет, в деле фигурировал как «заядлый немец, злорадствовавший нашим неудачам» [16, л. 4]. По мнению доносителей, у предательства не бывает срока годности.

Периодическая печать через публикации наносила урон репутации немецких предпринимателей. В статье Царицынского вестника «Наши богачи-немцы» [34, с. 3] крупный предприниматель города М. Миллер обвиняется в том, что отказал в помощи пострадавшему на его стройке рабочему. Позже подобному выговору подвергается владелец пивного завода в Царицыне г. Клейнау, обвиненный в недобросовестности уплаты по векселям в банки города [35, с. 4]. Само название и тон статьи демонстрируют явно недоброжелательное отношение к немцам.

Патриотический подъем первых дней войны коснулся массового переименования немецких поселений на русский манер. В ноябре 1914 г. саратовский губернатор срочно потребовал от земских начальников сведения о селениях и волостях, носящих немецкие названия [25, с. 3]. В срочном порядке рассматривались предложения с присвоением им русских названий. При определении нового названия для поселения уездные чиновники руководствовались справкой, полученной от архивной комиссии. Всего Саратовское губернское присутствие рассмотрело десять дел о переименовании колоний спустя всего два месяца после получения циркуляра от МВД [24, с. 4]. В качестве резюме по этому вопросу стоит отметить, что в кампании по переименованию немецких колоний Саратовская губерния не отставала от остальных частей государства.

Нелегко пришлось простым российским немцам, надзор за которыми был постоянным и пристальным. К числу проступков, в которых они обвинялись, относились публичные заявления перед местными жителями, содержащие критику в адрес России или ее правительства. Так, например, поселанин с. Россоши Камышинского уезда Карл Гейнрихов Мейер, согласно решению вице-губернатора Саратовской губернии Римского-Корсакова, за проявление враждебного отношения к русскому воинству и русскому народу и восхваление враждебной державы был осужден на три месяца ареста [18, с. 3]. Подобное наказание получил германский подданный Герман Турка за распространение в г. Царицын ложных слухов о военных действиях [20, с. 3]. Правительство не желало мириться с такой ситуацией и собиралось прекратить пропаганду о плохой жизни народа в России. Примером может служить заявление председателя Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого, в котором он предлагает «переселить германских подданных в малонаселенные места или в местности с инородческим, мусульманским населением (Средняя Азия), где они особого вреда не принесут» [14, л. 12].

Наряду с расследованиями, по которым выносились обвинительные приговоры, встречались дела, не находящие доказательств при проверке. Один такой случай произошел с поселянином колонии Сарепта Царицынского уезда Саратовской губернии Вильгельмом Александровым Ниденталем. В сентябре 1915 г. на Нидентала поступил донос, по которому ему приписывались слова: «Россия напрасно лезет воевать с Германией, все равно она ничего Германии не сделает, так как германские лакеи знают больше, чем русские генералы» [12, л. 17]. По итогам этого расследования Ниденталь был оправдан. Столь благоприятный исход для регионов, близких к местам военных сражений, был менее характерен.

Российские немцы в ответ на разразившуюся войну продемонстрировали преданность государству. Свидетельством чему могут явиться проводившиеся на постоянной основе богослужения. «Am 30. Juli in der hiesigen ev. luth. Kirche ein Bittgottesdienst um Sieg der russischen Waffen statt» (30 июля в местной Евангелическо-лютеранской церкви состоялся молебен о победе российского оружия) [46, с. 3].

Весомый вклад поволжские немцы внесли в кампанию помощи фронту, которая проходила во всех регионах страны. «В губернский земский комитет от немцев на устройство лазарета поступило 34 340 рублей, кроме того предоставлено бесплатно хорошее помещение на сто кроватей и масса пожертвованных вещами» [37, с. 3]. Повсеместно возникали благотворительные организации. «Представители русско-подданных землевладельцев-немцев постановили перевести в распоряжение Императрицы Александры Федоровны 10 000 р., в распоря-

жение Великой княгини Ксении Александровны 5000 р. Для оказания помощи раненым» [38, с. 3]. Такая реакция русских немцев объяснялась не только страхом быть заподозренными в связях с врагом, но и благодарностью земле, где их предки были приняты и обласканы. Духовное обособление и желание сохранить свой самобытный уклад не помешали немцам связать себя крепкими узами с русским народом и русской землей.

Евангелическо-лютеранская церковь, в числе приверженцев которой было немало германских подданных и российских немцев, воспринималась правительством как неблагонадежное общество, стремящееся помочь своим соотечественникам. Несмотря на то, что в их число входили и представители иных национальностей, отношение правительства ко всем лютеранам значительно испортилось с началом военного конфликта с Германией. Из-за опасений помощи противникам России в войне в декабре 1914 г. лютеранским приходам запретили совершать сборы на потребности заграничных миссий [2, с. 15].

Получение духовной литературы лютеранскими общинами стало проблематичным в годы войны. В целом с изданием немецкоязычной литературы дело обстояло сложно, даже уже изданные книги не подлежали распространению. Учебники немецкого языка были изъяты из средних школ [22, с. 3]. Не только письмо, но и употребление «вражеского» языка было незаконным. С целью поимки всех нарушителей Министерство народного просвещения делало запрос о языке проведения занятий в школах поволжских немцев. «Школы, получающие ссуду от земств, игнорировали преподавание русского языка. Нет никаких следов преподавания русской истории и русской литературы» [43, с. 3]. В Петрограде уже в начале 1915 г. по распоряжению военной власти на все время военных действий было прекращено издание газет Petrograder Zeitung и Petrograder Gerold [45, с. 3]. На местном уровне следует упомянуть распоряжение главноначальствующего Саратовской губернии о воспрещении разговоров на немецком языке в публичных местах [10, с. 3]. На запрете устного общения власти не остановились. Так, для выяснения, на каком языке ведется делопроизводство, Департамент духовных дел распорядился истребовать и доставить протоколы заседаний всех губернских евангелических обществ молодых людей. Расследование выделило два таких немецких общества: в Саратове и Царицыне [41, с. 3]. А с целью наиболее полного и успешного надзора за высланными из Астраханской губернии и водворенными в Астрахань корреспондентку на иностранном языке допускалось уничтожать [15, л. 8]. На основании использования немецкого языка делался вывод о германизме и нелояльности российских лютеран.

Благодаря указу Николая II от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» были созданы благоприятные условия для быстрого распространения евангельского движения в различных регионах империи, в том числе в Нижнем Поволжье. В данном указе объявлялось, что «отделившимся от православия сектантам предоставляется свободное исповедание их веры и отправление религиозных обрядов по правилам их вероучений, а также образование в порядке, настоящими правилами указанным, религиозных общин» [41]. Для создания общины необходимо было составить письменное заявление в местное губернское правление, с подписями более 50 человек. После регистрации общины она наделялась правами: выбирать наставников, приобретать недвижимость и заключать договоры, открывать церкви, школы и другие богослужебные учреждения. По материалам А. А. Сафонова, за промежуток с 1905 по 1911 гг. к баптистам перешли 30 094 человека, из них 24 140 человек – из православия, а 5954 человека – из иных христианских конфессий [44, с. 163].

К баптистам еще до начала военного конфликта было негативное отношение в российском обществе, причиной чему служит факт, что значительный прирост численности российских баптистов происходил путем перехода в их ряды представителей иных конфессий, главным образом, православных. Местные газеты приводили разные ситуации, где действия баптистов выглядели комично: «16 февраля в 10 часов утра у баптистов состоялось молитвенное собрание, предназначенное исключительно для местных босяков. После собрания каждому из них в виде подарка было предложено новое Евангелие на русском языке и брошюры религиозно-нравственного содержания. Собранием босяки остались очень довольны. Ввиду же того, что базарный толчок по случаю масленицы не функционировал, по чайным-столовым и трактирам можно было видеть немало босяков, торговавших Евангелиями и брошюрами религиозно-нравственного содержания, полученными от баптистов. Все это продавалось по довольно дешевой цене» [6, с. 3]. В годы самой войны баптистов обвиняли в предательстве и сочув-

ствии врагам. В отчете подполковника Джакелли товарищу прокурору Саратовского окружного суда сообщалось, что баптисты ст. Пичужинской Царицынского уезда в апреле 1915 г. на богослужении «молились за Германию и заклинали Россию и русское войско за взятие г. Львова, Перемышля и других городов Галиции» [13, л. 4].

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для жителей Российского государства. Российские немцы испытали на себе рост неприязненных настроений и вынуждены были мириться с недоверием в свою сторону. За деятельностью российских немцев и немецких подданных внимательно следили, любое их действие, расцененное как враждебное, могло привести к мерам репрессивного характера. Наряду с запретом на употребление немецкого языка, привлечением на обязательные сельскохозяйственные работы, агрессивной кампанией в печати, запретом на трудоустройство в некоторых сферах, встречались более жесткие меры преследований, такие как высылка и арест. Однако, несмотря на определенное напряжение, вызванное военными действиями, в целом каких-либо крупных межнациональных и межконфессиональных конфликтов на территории Нижнего Поволжья зафиксировано не было. Более того, беженцы и военнопленные, прибывшие в регион, получали помощь от государства. Определенную роль в этом сыграли отзывчивость российских немцев к бедам, выпавшим на долю всех граждан Российской империи, и выражение верноподданных чувств путем участия в благотворительности и помощи пострадавшим.

Список литературы

1. Айсфельд А. Положение немецких колонистов Поволжья в политике Германского рейха во время Первой мировой войны // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М. : Готика, 1995. С. 183–196.
2. Алишина Г. Н. Антинемецкая кампания в годы Первой мировой войны в «центре» и «на местах» Российской империи: реализация мер по борьбе с немецким засильем в Томской губернии // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2. С. 14–23.
3. Алишина Г. Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 151–156.
4. Астраханский вестник. 18.03.15. № 62.
5. Астраханский вестник. 30.03.15. № 35. С. 3.
6. Баптисты и босяки // Царицынский вестник. 18.02.14. № 4521. С. 3.
7. Бахтурина А. Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить: немцы-колонисты и российское общество в годы "Германской" войны» // Новый исторический вестник. 2013. № 35. С. 6–32.
8. В евангелическо-лютеранском обществе // Царицынский вестник. 17.10.1915. № 5004.
9. Воронезцев А. В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. : мат-лы 8-й Международной научной конференции, Москва, 13–16 октября 2001. М., 2002. С. 72.
10. Воспрещение разговаривать по-немецки // Царицынский вестник. 19.04.1915. № 4859. С. 3.
11. Галперина Ю. С. Хозяйственное развитие немецких колоний на Волге во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 98–103.
12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 212. Д. 2951. Л. 17.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 2983. Л. 4.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 159. Л. 6.
15. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 254. Л. 8.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 9 ч. 2. Л. 4.
17. Гераськин Ю. В., Повод И. В. Государственная религиозная политика по отношению к лютеранскому населению в годы Первой мировой войны (на материалах Рязанской губернии) // «Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве» : мат-лы Международной научно-практической конференции. Самара, 2017. С. 39–45.
18. Дерзость немца // Царицынский вестник. 23.06.15. № 4912. С. 3.
19. Исключение германских и австрийских подданных // Царицынский вестник. 06.12.14. № 4757.
20. За распространение ложных слухов // Царицынский вестник. 17.04.15. № 4857. С. 3.
21. Запрос о евангелических обществах // Царицынский вестник. 18.10.14. № 4714. С. 3.
22. Изъятие учебников немецкого языка // Царицынский вестник. 22.08.14. № 4670. С. 3.
23. Исключение германских и австрийских подданных // Царицынский вестник. 06.12.14. № 4757.
24. Исторические данные о переименовании немецких колоний // Царицынский вестник. 24.01.15. № 4792. С. 4.
25. К переименованию поселений с немецкими названиями // Волго-Донская копейка. 12.11.14. № 270.

26. Как прекратить войну // Царицынский вестник. 24.07.14. № 4647.
27. Корниенко Т. А. «Образ врага» в политическом сознании населения России в годы Первой мировой войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 65–71.
28. Коротун С. Н. Немцы Воронежской губернии в период Первой мировой войны // Панорама. Научные труды факультета международных отношений Воронежского государственного университета. 2015. Т. XVIII. С. 30–38.
29. Котов Б. С. Образ российских немцев в русской прессе накануне Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3 (2). С. 391–398.
30. Кротт И. И. Реализация мер по борьбе с «немецким засильем»: немецкие предпринимательские хозяйства Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Вестник Томского гос. ун-та. 2018. № 430.
31. Лиценбергер О. А. Влияние Первой мировой войны на положение немцев в Российской империи: католики и лютеране // Россия – Германия: уроки войны и мира: к 100-летию начала Первой мировой войны : сб. научных статей. 2014. С. 34–39.
32. Машковцев А. А. Лютеранская община Казани в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. Ч. 2. 2012. № 6 (20). С. 131–134.
33. Морозова Н. В., Назарова Т. П. Религиозные аспекты антинемецкой кампании на страницах русской прессы (1914–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. Ч. 1. Тамбов : Грамота, 2015. № 2 (52). С. 123–125.
34. Наши богачи-немцы // Царицынский вестник. 12.11.14. № 4737.
35. Наши немцы // Царицынский вестник. 11.02.15. № 4805.
36. Ограничение прав немцев и турок // Царицынский вестник. 11.11.14. № 4736.
37. От немецкого населения // Волго-Донская копейка. 27.07.14. № 188. С. 3.
38. Патриотизм русско-подданных немцев // Волго-Донская копейка. 13.08.1914. № 197. С. 3.
39. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Центр. стат. комитет МВД; под ред. Н. А. Тройницкого. [СПб.], 1897–1905. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/12632> (дата обращения: 25.10.2021).
40. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16. № 11720. С. 126–127. URL: <https://www.prilib.ru/item/358609> (дата обращения: 17.11.2021).
41. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. № 28424. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.12.2021).
42. Прекращение пособий немцам-колонистам // Царицынский вестник. 03.01.16. № 5.
43. Ревизия немецких школ // Царицынский вестник. 10.01.15. № 4780. С. 3.
44. Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 163.
45. Хроника // Астраханские ведомости. 16.01.1915. № 7. С. 3.
46. Volks-Zeitung (Saratow). Juli 1914. № 60. S. 3.

The Anti-German campaign in the Lower Volga region during the First World War

R. M. Urazgaliev

postgraduate student, Moscow City Pedagogical University,
Russia, Moscow. E-mail: rus.urazgaliev@mail.ru

Abstract. The growth of international tension caused by the crisis of migration policy actualizes the problems of combating chauvinism and xenophobia. Turning to the historical experience of Russia can help in finding ways to effectively counter aggressive manifestations of intolerance on national grounds. The wave of national hostility during the First World War was presented as a demonstration of patriotic sentiments. The analysis of this negative situation may be useful for the development of national policy in modern circumstances.

Despite the expanding opportunities for obtaining information, society continues to be adversely affected through the mass media. Propaganda campaigns of unprecedented reach, methods and techniques of mass psychological influence, tested at the beginning of the XX century, are still popular today. The aim of the work is to identify and study state policy and public sentiment in wartime conditions as a specific form of manifestation of Russian nationalism directed against Germans living in Russia. The object of the study is the socio-political situation in Russia during the First World War. The subject of the study was the anti-German campaign conducted in the Lower Volga region during the First World War.

The article shows the situation of the German population (Russian Germans and German subjects) on the territory of the Lower Volga region during the First World War. The reasons of discrimination against parishioners

of the Evangelical Lutheran Church and representatives of the Baptist Church are analyzed. According to the author, in the conditions of the growth of chauvinistic sentiments and Germanophobia, Russian Germans and adherents of Protestantism of the Lower Volga region looked like potential enemies in the eyes of the authorities.

Keywords: Baptists, prisoners of war, discrimination, Evangelical Lutheran Church, Russian Germans.

References

1. Eisfeld A. *Polozhenie nemeckih kolonistov Povolzh'ya v politike Germanskogo rejha vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [The position of the German colonists of the Volga region in the policy of the German Reich during the First World War] // *Polozhenie nemeckih kolonistov Povolzh'ya v politike Germanskogo rejha vo vremya Pervoj mirovoj vojny* – Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga. M. Gothica. 1995. Pp. 183–196.
2. Alishina G. N. *Antinemeckaya kampaniya v gody Pervoj mirovoj vojny v "centre" i "na mestah" Rossijskoj imperii: realizaciya mer po bor'be s nemeckim zasil'em v Tomskoj gubernii* [The anti-German campaign during the First World War in the "center" and "on the ground" of the Russian Empires: implementation of measures to combat German dominance in Tomsk province] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Herald of Tomsk State University. History. 2016. No. 2. Pp. 14–23.
3. Alishina G. N. *Evangelichesko-lyuteranskaya cerkov' i lyuteranskije pastory Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Evangelical Lutheran Church and Lutheran pastors of the Russian Empire during the First World War] // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* – Herald of Archeology, Anthropology and Ethnography. 2015. No. 4. Pp. 151–156.
4. *Astrahanskij vestnik* – Astrakhan herald. 18.03.15. No. 62.
5. *Astrahanskij vestnik* – Astrakhan herald. 03.30.15. No. 35. P. 3.
6. *Baptisty i bosyaki* – Baptists and tramps // *Tsaricynskij vestnik*– Tsaritsyn herald. 18.02.14. No. 4521. P. 3.
7. Bahturina A. Yu. *"Luchshe pust' nemcy razoryatsya, chem budut shpionit': nemcy-kolonisty i rossijskoe obshchestvo v gody "Germanskoj" vojny"* ["It's better to let the Germans go bankrupt than to spy: German colonists and Russian society during the "German" War"] // *Novyj istoricheskij vestnik* – New Historical herald. 2013. No. 35. Pp. 6–32.
8. *V evangelichesko-lyuteranskom obshchestve* – In the Evangelical Lutheran society // *Tsaricynskij vestnik*– Tsaritsyn herald. 17.10.1915. No. 5004.
9. Voronezhcev A. V. *Nemeckie kolonisty v Povolzh'e v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Saratovskoj i Samarskoj gubernij)* [German colonists in the Volga region during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces)] // *Nemcy Rossii: Social'no-ekonomicheskoe i duhovnoe razvitie 1871–1941 gg. : mat-ly 8-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Germans of Russia: Socio-economic and spiritual development of 1871–1941 : materials of the 8th International Scientific Conference, Moscow, October 13–16, 2001. M. 2002. 72 p.
10. Prohibition to speak German // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 19.04.1915. No. 4859. P. 3.
11. *Vospreshchenie razgovarivat' po-nemecki* [Economic development of German colonies on the Volga in the second half of the XVIII – first half of the XIX century] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations. 2014. Vol. 14. Is. 3. Pp. 98–103.
12. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. 102. Inv. 212. File 2951. Sh. 17.
13. SARF. F. 102. Inv. 212. File 2983. Sh. 4.
14. SARF. F. 102. Inv. 73. File 159. Sh. 6.
15. SARF. F. 102. Inv. 73. File 254. Sh. 8.
16. SARF. F. 102. Inv. 73. File 9 part. 2. Sh. 4.
17. Geras'kin Yu. V., Povod I. V. *Gosudarstvennaya religioznaya politika po otnosheniyu k lyuteranskomu naseleniyu v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Ryazanskoj gubernii)* [State religious policy towards the Lutheran population during the First World War (based on the materials of the Ryazan province)] // // *"Vlast' duhovnaya i svetskaya: vzaimodejstvie v sociokul'turnom prostranstve" : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*– "Spiritual and secular power: interaction in the socio-cultural space" : materials of the International Scientific and Practical Conference. Samara. 2017. Pp. 39–45.
18. *Derzost' nemca* – The audacity of the German // *Tsaricynskij vestnik*– Tsaritsyn herald. 23.06.15. No. 4912. P. 3.
19. *Isklyuchenie germanskih i avstrijskih poddannyh*– Exclusion of German and Austrian subjects // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 06.12.14. No. 4757.
20. *Za rasprostranenie lozhnyh sluhov* – For spreading false rumors // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 17.04.15. No. 4857. P. 3.
21. *Zapros o evangelicheskij obshchestvah* – Inquiry about evangelical societies // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 18.10.14. No. 4714. P. 3.
22. *Iz'yatie uchebnikov nemeckogo yazyka* – Withdrawal of textbooks of the German language // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 22.08.14. No. 4670. P. 3.
23. *Isklyuchenie germanskih i avstrijskih poddannyh* – Exclusion of German and Austrian subjects // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 06.12.14. No. 4757.

24. *Istoricheskie dannye o pereimenovanii nemeckih kolonij* – Historical data on the renaming of German colonies // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 24.01.15. No. 4792. P. 4.
25. *K pereimenovaniyu poselenij s nemeckimi nazvaniyami* – To the renaming of settlements with German names // *Volgo-Donskaya kopejka* – Volga-Don kopek. 12.11.14. No. 270.
26. *Kak prekratit' vojnu* – How to stop the war // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn Bulletin. 24.07.14. No. 4647.
27. Kornienko T. A. *"Obraz vraga" v politicheskom soznanii naseleniya Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* ["The image of the enemy" in the political consciousness of the population of Russia during the First World War] // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* – The Caspian region: politics, economy, culture. 2009. No. 2. Pp. 65–71.
28. Korotun S. N. *Nemcy Voronezhskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny* [Germans of the Voronezh province during the First World War] // *Panorama. Nauchnye trudy fakul'teta mezhdunarodnyh otnoshenij Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* – Panorama. Scientific works of the Faculty of International Relations of Voronezh State University. 2015. Vol. XVIII. Pp. 30–38.
29. Kotov B. S. *Obraz rossijskikh nemcev v russkoj presse nakanune Pervoj mirovoj vojny* [The image of Russian Germans in the Russian press on the eve of the First World War] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. No. 3 (2). Pp. 391–398.
30. Krott I. I. *Realizaciya mer po bor'be s "nemeckim zasil'em": nemeckie predprinimatel'skie hozyajstva Zapadnoj Sibiri v gody Pervoj mirovoj vojny* [Implementation of measures to combat "German dominance": German entrepreneurial farms in Western Siberia during the First World War] // *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* – Herald of Tomsk State University. 2018. No. 430.
31. Licenberger O. A. *Vliyanie Pervoj mirovoj vojny na polozhenie nemcev v Rossijskoj imperii: katoliki i lyuterane* [The impact of the First World War on the situation of Germans in the Russian Empire: Catholics and Lutherans] // *Rossiya – Germaniya: uroki vojny i mira: k 100-letiyu nachala Pervoj mirovoj vojny : sb. nauchnyh statej* – Russia – Germany: lessons of war and peace: to the 100th anniversary of the beginning of the First World War : collection of scientific articles. 2014. Pp. 34–39.
32. Mashkovcev A. A. *Lyuteranskaya obshchina Kazani v gody Pervoj mirovoj vojny* [Lutheran community of Kazan during the First World War] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2-h ch. Ch. 2* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 2 parts. Part 2. 2012. No. 6 (20). Pp. 131–134.
33. Morozova N. V., Nazarova T. P. *Religioznye aspekty antinemeckoj kampanii na stranicah russkoj pressy (1914–1917 gg.)* [Religious aspects of the anti-German campaign on the pages of the Russian press (1914–1917)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2-h ch. Ch. 1* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice : in 2 parts. Part 1. Tambov. Diplom. 2015. No. 2 (52). Pp. 123–125.
34. *Nashi bogachi-nemcy* – Our rich Germans // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 12.11.14. No. 4737.
35. *Nashi nemcy* – Our Germans // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 11.02.15. No. 4805.
36. *Ogranichenie prav nemcev i turok* – Restriction of the rights of Germans and Turks // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 11.11.14. No. 4736.
37. *Ot nemeckogo naseleniya* – From the German population // *Volgo-Donskaya kopejka* – Volga-Don kopek. 27.07.14. No. 188. P. 3.
38. *Patriotizm rusko-poddannyh nemcev* – Patriotism of Russian-German subjects // *Volgo-Donskaya kopejka* – Volga-Don kopek. 13.08.1914. No. 197. P. 3.
39. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda* – The first general population census of the Russian Empire in 1897 / Central stat. committee of the Ministry of Internal Affairs; ed. by N. A. Troynitsky. [St. Petersburg], 1897–1905. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/12632> (date accessed: 25.10.2021).
40. The complete collection of laws of the Russian Empire. 1. SPb. 1830. Vol. 16. No. 11720. Pp. 126–127. Available at: <https://www.prilibrary.ru/item/358609> (date accessed: 17.11.2021) (in Russ.).
41. The complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 3. Vol. 26. No. 28424. Available at: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date accessed: 10.12.2021) (in Russ.).
42. *Prekrashchenie posobij nemcam-kolonistam* – Termination of benefits to German colonists // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 03.01.16. No. 5.
43. *Reviziya nemeckih shkol* – Revision of German schools // *Tsaricynskij vestnik* – Tsaritsyn herald. 10.01.15. No. 4780. P. 3.
44. Safonov A. A. *Svoboda sovesti i modernizaciya veroispovednogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii v nachale XX veka* [Freedom of conscience and modernization of religious legislation of the Russian Empire at the beginning of the XX century]. Tambov. 2007. P. 163.
45. *Hronika* – Chronicle // *Astrahanskije vedomosti* – Astrakhan news. 16.01.1915. No. 7. P. 3.
46. *Volks-Zeitung* (Saratow). Juli 1914. No. 60. P. 3.